Сначала забудь ее

Автор:
Линн Грэхем

Сначала забудь ее

Линн Грэхем

Любовный роман – Harlequin #739

Успешный, богатый и чертовски красивый итальянец Лучиано Витале отправляется в Англию на поиски своего украденного суррогатной матерью ребенка. Его спецслужбы находят малыша, но с каждым новым шагом история становится все запутаннее. У воровки Джули, оказывается, есть сестра-близнец Джемайма. И именно она сейчас опекает недавно родившегося малыша… Смогут ли Лучиано и Джемайма пойти навстречу друг другу?

Линн Грэхем

Сначала забудь ее

The Sicilian’s Stolen Son

© 2016 by Lynne Graham

«Сначала забудь ее»

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Глава 1

Адвокат Чарльз Беннетт из Лондона встретил Лучиано Витале, как только его личный самолет совершил посадку. Сицилийский миллиардер и юрист обменялись приветственными фразами. Лучиано шествовал горделиво, как тигр, почуявший запах добычи. Врожденная уверенность и агрессия читались в каждом его шаге.

Он наконец выследил вероломную похитительницу его ребенка Джемайму Барбер. У него не нашлось бы слов, чтобы выразить свое отвращение к ней. Еще больше злило то, что он не мог использовать силу закона, чтобы воздать этой проходимке сполна, не желая, чтобы подробности его личной жизни снова стали достоянием мировой общественности, а разбирательства каким-либо образом отразились на будущем маленького сына. Лучиано достаточно пострадал от вездесущей прессы еще при жизни его жены и сейчас предпочитал оставаться в тени. Он сыт по горло скандальными заголовками, сопровождающими его со свадьбы и до смерти супруги.

Несмотря на это, женщины часто обращали на него внимание, и не без причины. Лучиано был красив, высок, атлетически сложен. Золотистая загорелая кожа, тонкие черты лица, медово-карие глаза пленяли красавиц всего мира, а ямочки на щеках подкупали детской естественностью. Он предпочитал не пользоваться внешностью, расценивая знаки внимания как нежелательные и назойливые.

Ему была невыносима мысль о том, что меры предосторожности не сработали и он чуть не потерял сына. Постоянно корил себя за то, что сделал подобный выбор, и не был уверен, что это его ребенок, пока не проведен тест ДНК. Суррогатная мать во время искусственного оплодотворения могла иметь близкие отношения с другими мужчинами. Она и так нарушила все мыслимые и немыслимые договоренности, почему бы не нарушить и эту?

Если ребенок действительно его, унаследовал ли он что-либо от лживой, корыстной матери? Могут ли передаваться плохие гены? Лучиано, живое подтверждение отсутствия таковых, отказывался в это верить. Он последний в поколении мужчин, известных на Сицилии жестокостью и проблемами с законом. Любые разбирательства с матерью ребенка ни в коем случае не должны отразиться на малыше. Он утешал себя мыслью о том, что формально она вполне

добропорядочная женщина. Единственный ребенок в семье, родители в долгах, работает учительницей младших классов, выращивает овощи, готовит. К сожалению, подлинная история открылась после того, как Джемайма сбежала с ребенком из роддома. Типичная искательница приключений, она тратила деньги, влезала в долги, играла в азартные игры и воровала без зазрения совести, когда средства заканчивались.

Лучиано вновь упрекнул себя за то, что не встретился с ней лично, не принял никакого участия, только лишь выбрал ее кандидатуру по резюме и фото и дал свое семя. Тогда для него это был очередной бизнес-проект. Хотя распознал бы он ее истинную натуру при встрече? Прибыв в роддом забрать младенца, Лучиано нашел только записку с требованием крупной суммы за возвращение сына. К тому времени она узнала, насколько он богат, и жажда обогащения побудила ее действовать.

– Я должен спросить, – начал Чарльз. – Вы не собираетесь по этому делу обратиться в полицию?

– Нет.

Чарльз предпочел тактичность откровенному разочарованию, надеясь, что его самый состоятельный клиент будет более сговорчив. Однако единственный сын одного из самых суровых мафиози на Сицилии не привык менять мнение. Тридцатилетний миллиардер, успешный бизнесмен, Лучиано, по информации Чарльза, во всех делах безоговорочно стремился следовать букве закона. Он не любил журналистов, опасаясь, что криминальное прошлое отца и прадеда настигнет и его, окружил себя профессиональными телохранителями, ограждавшими его от остального мира. Лучиано Витале для многих оставался загадкой. Например, никто не знал, почему столь обеспеченный и привлекательный молодой мужчина предпочел родить наследника от суррогатной матери.

– Я не хочу быть ответственным за то, что посадил биологическую мать ребенка за решетку. Не сомневаюсь, она это заслуживает, но не хочу быть инициатором этого.

– Само собой. – На самом деле Чарльз лукавил, не понимая логики Лучиано. – В любом случае полиция тоже ищет ее. Если мы сообщим о ее местоположении,

это не будет выглядеть, будто мы упекли ее за решетку.

– И что? Престарелые родители узнают, что их дочь держит моего сына в заложниках, полиция будет в курсе нашего дела, и с кем останется ребенок, решит суд. Вы предупреждали, что суррогатное материнство судом Великобритании трактуется неоднозначно. Я не стану рисковать.

– Но мисс Барбер пообещала вернуть ребенка только за вознаграждение, ни в коем случае нельзя предлагать ей деньги, так вы окажетесь по другую сторону закона.

– Я найду легальный способ вернуть малыша, не предавая дело огласке и не прибегая к суду.

Чарльз поежился при одной мысли о том, как убийствами и истязаниями предки Лучиано решали проблемы, но отчитал себя за эти мысли, хотя и знал, как жесток его клиент в бизнесе. Он, конечно, не убивал конкурентов, но переходить ему дорогу не решился бы никто. Вряд ли Джемайма имеет хотя бы малейшее представление о том, к каким последствиям может привести нарушение договора с Лучиано Витале.

Джемайма поправила цветы на могиле сестры-близнеца. Слезы щипали глаза, сердце сжималось от горя. Она любила сестру и сожалела, что не представился шанс узнать ее ближе и помочь. Их мать была наркоманкой, об отце даже думать не приходилось. В итоге их удочерили разные семьи, и жизнь сложилась по-разному. При рождении Джули какое-то время была без кислорода, потом перенесла операцию. Это отразилось на дальнейшем развитии, и ее смогли удочерить после лечения, занявшего около двух лет. Джемайме повезло больше. Ее удочерили почти сразу же после рождения. Приемные родители с первого взгляда полюбили ее и подарили ей замечательное спокойное детство. Поэтому она чувствовала себя виноватой перед Джули. Сестру позднее удочерили более состоятельные люди, но задержки в развитии и психологические проблемы огорчали новых родителей, стыдившихся ребенка с особенностями. В итоге, когда подростком Джули начала проявлять характер более явно, ее вернули в приют. С этого момента все в жизни девочки пошло наперекосяк.

Сестры не виделись. Повзрослев, Джули разыскала Джемайму. Она и ее родители были сразу же очарованы живой и харизматичной девушкой. В жизни Джемаймы и ее родителей с тех пор многое изменилось. И не в лучшую сторону. Особенно страшно последствия сказались на Никки, который с самого рождения не видел настоящую маму. И никогда не увидит.

Джемайма обернулась, взглянула на коляску, стоящую на тропинке чуть в стороне от могилы Джули, и просияла. Неудивительно, ведь Никки стал для нее всем: и солнцем, и луной, и звездами. Он изучающе смотрел на нее влажными темными глазами и радостно улыбался, самый любимый человечек на свете. Ему принадлежало ее сердце с той минуты, когда она увидела его, младенца, которому только исполнилось семь дней, в роддоме.

– Я заметила тебя с дороги, – внезапно донесся голос Элли, высокой, худой, рыжеволосой девушки, подруги с детского сада. – Почему ты опять здесь? Не понимаю, почему ты мучаешь себя? Джули умерла, Джем, ее не вернуть. И слава богу, я бы сказала.

– Пожалуйста, не говори так.

– Но это правда, рано или поздно тебе придется это признать. Джули почти полностью разрушила твою семью. Я знаю, тебе неприятно это слышать, но твоя сестра была плохим человеком.

Джемайма поджала губы, не желая продолжать бессмысленный разговор, хотя именно Элли поддержала ее и родителей, когда их положение стало совсем плачевным. Элли – верный, преданный друг и неоднократно подтверждала свою дружбу. В любом случае сейчас спорить бесполезно, Джули все равно мертва.

Лишь несколько месяцев прошло с того рокового дня, когда она по неосторожности вышла на проезжую часть и попала под машину. Приемная семья сестры даже отказалась присутствовать на похоронах, все расходы по организации были возложены на плечи родителей Джемаймы. Это стало сильным ударом по их благосостоянию.

– Если бы мы проводили больше времени вместе, ее жизнь могла бы сложиться иначе, – горевала Джемайма.

– Она ограбила твоих родителей, украла твой паспорт, увела твоего парня и в довершение оставила тебе ребенка. Что еще она должна была сделать, чтобы ты признала ее виноватой? Убить вас всех в собственном доме?

– Джули не была склонна к насилию. Давай не будем об этом.

– Давай. Лучше расскажи, что ты решила делать с ребенком? У тебя и так много забот. Работаешь весь день, родителям помогаешь.

– Но я счастлива заботиться о Никки, я люблю его, кроме того, он мой единственный единокровный родственник. Я ни в коем случае не собираюсь отдавать его. Справимся как-нибудь.

– А как насчет его отца? Ты же должна признать, что у него прав на ребенка гораздо больше.

Джемайма напряглась и побледнела: самый больной вопрос.

– Смена начинается через час, я должна идти. Увидимся завтра.

Расставшись с Элли, измотанная, Джемайма отправилась к себе. Никки спал всего несколько часов в сутки, и она подстраивалась под его режим. Ее очень беспокоили мысли о том, что его отец может забрать ребенка себе. Пока она знала о нем только то, что он очень состоятельный человек. Непонятно, почему он выбрал такой способ отцовства? Может, он гей или его подружка не может иметь детей по медицинским показаниям? Джули эти подробности были не интересны, зато Джемайме не все равно.

Она не могла просто игнорировать тот факт, что у Никки есть отец, который заплатил за него и ждал его появления. Она не знала его имени, Джули наотрез отказывалась рассказывать ей любые подробности. Джемайма, даже если и хотела, не могла разыскать отца Никки. Сейчас она заботилась только о благополучии ребенка. Кроме того, необходимо убедиться, что жизнь Никки не разрушена ужасными решениями биологической матери.

Интересно, как сестра согласилась на суррогатное материнство. Подписывая договор, она рассматривала это только как работу, за которую платят. В то

время она была на мели, негде было жить. Она признала, что беременность сделала с ее телом, и все равно не изменила своего решения не отдавать ребенка, сочтя слишком маленькой сумму за беременность и роды, и потребовала еще денег.

Еще Джемайма не знала, каковы шансы, что отец Никки будет заботливым и любящим, сомневалась в этом, так как человек, решившийся на это, даже не пожелал лично встретиться с матерью будущего ребенка. В Интернете она читала о том, что суррогатное материнство предполагает заключение договора между сторонами. В любом случае Никки наполовину плоть и кровь ее сестры, часть ее маленькой семьи. Джемайма чувствовала ответственность за малыша, стараясь любить и всячески оберегать его.

Она вошла в небольшой ветхий коттедж, где теперь жила с родителями и Никки. Там было две спальни и маленький сад. Она была очень рада, что для нее и Никки здесь нашлось место. Ее отец – священник, сейчас на пенсии. К сожалению, все их накопления ушли прямиком в карман Джули, когда та заявила, что хочет открыть свой магазин.

Вероятно, сначала сестра действительно хотела открыть магазин, но она была слишком импульсивной, а схемы зарабатывания денег менялись чуть ли не каждый день. Возможно, у нее были благие намерения, и говорила она вполне убедительно, но лгала сестре и родителям.

Это привело к тому, что Джули потратила все накопления родителей, разрушив таким образом их мечты о собственном доме. Ситуация сложилась плачевная. Да, у них сейчас есть крыша над головой, но лишь потому, что Джемайма вернулась в город, взяла на себя расходы по аренде и оплате коммунальных услуг, которые превышали маленькую пенсию престарелых родителей. Видя огромные счета, они начинали переживать, начались проблемы со здоровьем.

Джемайма переодела и уложила Никки для дневного сна. Заметив, что и сама зевает, решила вздремнуть. Раньше она старалась переделать все домашние дела, пока малыш спит, но потом обратила внимание, что может спать, только когда спит он, решив так и поступать. Она сняла тунику и краем глаза поймала свое отражение в зеркале. Да, не такая стройная, как Джули. Небольшой животик и округлые бедра делали фигуру более женственной.

– Твоя фигура совсем не подходит для легинсов. Всегда носи длинную тунику, чтобы скрыть задок, – частенько замечала Джули.

Сестра была худой, как тростинка, кроме того, страдала булимией[1 - Б у л и м и я – психическое расстройство, при котором за неконтролируемым обжорством следует искусственно вызванная рвота или любые другие очистительные процедуры. Иногда эту болезнь так и называют – синдром обжорства с последующим очищением желудка.]. У нее были серьезные проблемы с самооценкой. С этими воспоминаниями Джемайма упала на кровать и тут же уснула.

Внезапно раздался звонок в дверь. Она удивилась, но пошла открывать, хотя не ждала гостей, а знакомые родителей знали, что те сейчас в Девоне у одного постоянного прихожанина церкви отца. Это было самое доступное, куда родители могли поехать на свою пенсию.

Джемайма заглянула в кроватку проверить, не разбудил ли внезапный звонок племянника. Он мирно посапывал и даже, казалось, не слышал происходящего.

В глазок она увидела двух мужчин и приоткрыла дверь.

Мужчина постарше, с седеющими висками, тут же уверенно начал:

– Мы можем войти и поговорить с вами, мисс Барбер? Вот моя визитка. – И с этими словами протянул карточку в приоткрытую дверь.

«Чарльз Беннетт. Адвокаты Беннетт и Беннетт».

Обеспокоенная еще одной проблемой, доставшейся в наследство от умершей сестры, Джемайма открыла дверь. Джули оставила после себя огромное количество долгов, и что с этим делать? Она боялась рассказать полиции о том, что Джули украла ее паспорт, брала кредиты на ее имя, путешествовала по чужому паспорту и на Сицилии родила ребенка под именем Барбер. Джемайма боялась, что, если расскажет правду, ее права на Никки будут ничтожными, его отнимут у нее и поместят в приют.

– Лучиано Витале. – Мужчина представил своего спутника.

Тот выступил вперед. Джемайма, в свою очередь, отступила на шаг назад, напрягшись, готовая в любую секунду схватить Никки и убежать, спасая его от незнакомцев.

Она перевела глаза на высокого молодого человека и застыла, так как он был несравним ни с одним другим мужчиной. Движения быстрые, точные и решительные, как у бойца, пробирающегося сквозь джунгли. Он был великолепен, чистая фантазия во плоти. Он показался Джемайме самым красивым мужчиной на свете, и ей было трудно побороть внезапный шок от его появления. Груди тут же налились и стали твердыми, дыхание перехватило. На мгновение она почувствовала себя школьницей, потому поспешила перевести взгляд на мужчину постарше, который не вызывал столь сильных эмоций. Она пригласила их в гостиную.

Лучиано тоже не мог оторвать взгляд от Джемаймы, настолько сильно она отличалась от образа, который он ожидал увидеть. Впервые он увидел ее на фото, блондинку с голубыми глазами, немного пухленькую. Сначала он даже закатил глаза, удивляясь, что обычная во всех отношениях девушка может родить ему ребенка. Потом видел ее на записи с камер наблюдения в отеле, где ее поведение и род занятий были более чем очевидны. Светлые волосы коротко пострижены и взъерошены, блузка с очень низким вырезом, мини-юбка, едва прикрывающая женские прелести, босоножки на платформе и очень высоком каблуке, подчеркивавшие длинные ноги и большие, явно силиконовые груди. Она вела себя как настоящая проститутка, собственно, ею и являясь, смеялась и бесстыдно обнимала двух мужчин, которых в ту ночь вела в свой номер. Нынешний имидж претерпел кардинальные изменения.

Видимо, изменения во внешности напрямую связаны с хитроумным, коварным планом. Вместо короткой стрижки – волосы ниже талии цвета спелой пшеницы в лучах солнца, на лице ни намека на макияж. Взгляд Лучиано невольно задержался на сочных недовольно надутых губках, бледных щеках и на светло-голубых глазах девушки. Необычный цвет, он еще на фото обратил внимание, но решил, что это просто игра света. На ней были простые черные легинсы и обтягивающая пышную грудь майка.

С большим трудом он смог оторваться от соблазнительных округлостей, отметив про себя, что на фото все было именно так. Однако вживую грудь выглядела совсем натуральной. Кроме того, девушка более фигуристая, чем на фото или видео. Может, располнела после родов? Простая одежда тоже стала для него

сюрпризом, хотя, конечно, она дома и не ждала посетителей. Возможно, одевается менее кричаще в доме пожилых родителей. На самом деле сейчас она выглядела здоровой и молодой.

Интересно, кто такая Джемайма Барбер? Лучиано удивился, почему вообще задумался о ней, ведь ему известно все, что необходимо знать. Она лгунья, воровка и проститука. Продает свое тело так же легко, как планировала продать сына.

Джемайма чувствовала себя неуютно под пристальным взглядом Лучиано, ощущая, как пылают щеки, и старалась не смотреть на него.

– Чем могу помочь?

– Мы здесь, чтобы обсудить будущее ребенка, – выступил вперед Чарльз Беннетт.

При этих словах сердце Джемаймы ушло в пятки, голова закружилась, перед глазами заплясали черные мушки. Она невольно перевела вопросительный взгляд на Лучиано. И тут все встало на свои места. Она поняла, на кого так сильно похож Никки. Вылитый Лучиано Витале. Те же черные волосы, прямой аристократичный нос, высокие скулы, брови вразлет, глубоко посаженные карие глаза с рыжими вкраплениями, правда, у Лучиано глаза суровые и жестокие, а у Никки – милые и наивные. Тут же в ее голове всплыли замечания Джули об отце Никки: «Если бы встретился со мной, он бы захотел меня. Все мужчины этого хотят. А он тот человек, за которого я бы охотно вышла замуж: богатый, красивый и невероятно успешный. Я бы стала для него идеальной женой».

«Возможно, Лучиано не сильно впечатлен, встретив вместо стройной, одетой по моде Джули полненькую простенькую сестру-близнеца, – думала Джемайма. – Может, поэтому смотрит на меня так пристально».

Насколько было известно Джемайме, он не просто не знал про сестру, но даже не встречался с Джули лично, не говоря уже о том, что она украла паспорт сестры и выдавала себя за нее. Скорее всего, он не в курсе, что сестра умерла. А если бы знал, предоставил бы адвокату первое слово. Смерть Джули меняет все.

Джемайма содрогнулась от этих выводов. Как биологическая мать Никки, Джули имела права на ребенка, несмотря на то что их можно было оспорить в суде. Как тетя Никки, Джемайма не имела на него никаких прав. Дело запутывало то, что Джули указала имя сестры и его записали в свидетельстве о рождении. Конечно, когда-нибудь правда выйдет наружу, и начнутся разбирательства. А пока это дает больше прав на ребенка.

Джемайма решила, что сейчас она будет отстаивать Никки, и скрестилась взглядом, полным эмоций, с холодным, гневным взглядом Лучиано. Отец Никки был явно зол и скор на выводы. Он пришел не в лучшем расположении духа. А чего она ожидала? Джули родила ему сына и сбежала с ним, оставив отцу бессовестную записку с требованием денег.

Джемайма гордо вскинула подбородок, будто ей и дела нет до того, как испытующе смотрит на нее Лучиано, и обратила внимание на адвоката. От напряжения в животе происходило что-то невероятное, связки не слушались, из-за чего голос звучал как-то неестественно. Надо было взять себя в руки, и как можно скорее, неизвестно, что могло произойти дальше, а ради Никки она должна успеть отреагировать правильно, что бы ни случилось.

Если признается в том, кто она на самом деле, племянника могут тут же забрать. При одной мысли об этом сердце Джемаймы разрывалось. И только по этой причине она будет лгать, притворяться. Даже если это противоречит ее принципам.

Лучиано вел себя тихо и осторожно, сосредоточившись на странном поведении особы, представшей в качестве матери его ребенка. Обычно женщины не вскидывали подбородок перед ним и не игнорировали его, надеясь получить хоть каплю его внимания. Улыбались ему, флиртовали, посматривали кокетливо в надежде понравиться. Но никогда не относились к нему как к пустому месту. А Джемайма Барбер делала это весьма успешно.

– Я хочу, чтобы малышу сделали ДНК-тест. Я хочу знать, действительно ли ребенок мой, – заговорил Лучиано впервые после того, как они оказались в гостиной.

Он не переставал пристально смотреть на нее. Взгляд путешествовал по ее телу. У Джемаймы по коже побежали мурашки.

Она разразилась праведным возмущением:

– Как вы смеете!

Ее всю трясло от подобной наглости и, по сути, оскорбления памяти сестры. Лучиано спокойно улыбнулся:

– Я смею, да еще как. Конечно, нет сомнений, что ребенок мой.

– Обязательный ДНК-тест на отцовство был частью договора, который вы подписали, – вклинился адвокат. – К сожалению, вы покинули роддом до того, как его можно было сделать.

Упоминание о контракте, который Джули подписала от имени сестры, подействовал отрезвляюще. Гнев сменился чувством стыда. Джемайма собиралась лгать и притворяться, будто она – Джули, поэтому новые подробности проступков сестры ранили сильнее и сильнее, ведь в обычной жизни она была честной и прямолинейной, ненавидела ложь. Она с грустью заметила, что ее желание всеми правдами и неправдами остаться с Никки и заботиться о нем, привело на скользкую дорожку обмана. Стоило с самого начала рассказать правду, как бы неприятно или опасно это ни было. Лучиано – отец Никки. Может ли она просто отойти в сторону и позволить ему забрать ее племянника?

Джемайма знала, что не сможет так поступить. Должен быть кто-то, кто защитит маленького Никки, нуждающегося в опеке и постоянном внимании. Ее долг – убедиться, что с потребностями малыша считаются и его будущее устроено.

– ДНК-тест, – повторил Лучиано, недоумевая: неужели причина странного поведения и бледность Джемаймы оправдывает самые страшные его опасения? Что, если ребенок действительно не его? Тогда лучше узнать об этом как можно раньше.

– Медицинский работник может приехать на дом. Это простая процедура. У малыша изо рта берется мазок слюны. Результат мы узнаем через сорок восемь часов.

– Да, – еле слышно отозвалась Джемайма.

Во рту у нее пересохло. В голове зародился еще один страх. А что, если он будет настаивать, чтобы и ей сделали ДНК-тест. Тогда ложь в одночасье раскроется. Или у близнецов одинаковая ДНК? Страшно, если ее уличат во лжи. Девушка опустила глаза и решила, что лучший вариант – просто ждать, что будет дальше. Она не в том положении, чтобы делать резкие движения. Если станет противиться тесту, сделает только хуже. Подобным поведением ничего не добиться, можно лишь усугубить и без того враждебный настрой со стороны отца ребенка и неопределенность судьбы Никки.

– Так вы согласны? – переспросил Лучиано.

Невольно Джемайма взглянула на него, их взгляды встретились. Глаза Лучиано были обрамлены густыми темными ресницами, такими же длинными и пушистыми, как и у его сына. Сердце сильно заколотилось, будто она стояла на краю бездны и смотрела вниз с обрыва. Внутри все сжалось. Девушка почувствовала себя ужасно неуютно.

– Да, – отозвалась она.

– На самом деле ты согласишься со всеми моими требованиями, – бесцеремонно перейдя на «ты», заявил Лучиано, втайне любуясь ее светло-голубыми глазами. – Ты далеко не глупа, и было бы неосмотрительно с твоей стороны отказать мне в чем-либо.

Чарльз Беннетт нахмурился и взглянул на Лучиано, перевел взгляд на девушку, которая смотрела на отца ребенка, как зачарованная.

Глава 2

– И почему ты так думаешь? – в недоумении выпалила Джемайма, также резко и фамильярно.

– Я в выигрышной позиции, – с ледяной уверенностью отозвался Лучиано. – У меня есть запись из отеля, на которой видно, как ты воруешь кредитные карты твоих клиентов, используешь одну из них в качестве предмета шантажа. Надеюсь, мне не придется передавать эту запись полиции.

– Ты мне угрожаешь?

Украденные кредитные карты. Неужели он серьезно? Не может быть, чтобы Джули пала так низко, пока жила в Лондоне. Джемайма вспомнила, как удивлялась, что сестре удается оплачивать дорогие отели. Она спрашивала, но Джули морщилась, будто ужасно грубо и неприлично спрашивать про деньги, или просто отказывалась объяснять.

– Мой клиент ни в коем случае вам не угрожает, – успокоил ее Чарльз Беннетт. – Он просто уведомляет вас о том, что у него есть видеозапись кражи.

Джемайма побледнела как полотно, не смея больше смотреть в сторону Лучиано. Доказательство кражи? Боже мой, он мог арестовать ее прямо сейчас! Насильно разлучить с Никки. Она попыталась снова собраться с мыслями. Ресницы затрепетали.

– Значит, ты согласна на ДНК-тест?

– Да.

– Мы, со своей стороны, постараемся быть цивилизованными и все грамотно сделать.

В ответ на недружелюбное утверждение Джемайма почувствовала, как ладони покалывает от напряжения. Никогда в жизни она не хотела сильно ударить кого-либо по щеке за ложь. Но этот суперуверенный, покровительственный Лучиано Витале, от которого исходил негатив, парализовал ее. Осмелившись, она снова посмотрела в его сторону. Это было ошибкой. Она тут же попала под гипнотическое влияние его темных глаз. Все мышцы разом напряглись, и девушка поняла, что Лучиано склонен к жестокости, а это противоречит ее нежной натуре, склонен впадать в крайности, подвержен скоропалительным решениям. В какую-то долю секунды все это Джемайма прочла в его взгляде. Возможно, он скрывал огненную взрывную натуру под маской леденящей

вежливости.

– Да, мы должны постараться оставаться цивилизованными людьми, – повторила она послушно, вздрогнув от внезапной паники.

– Я могу быть благоразумным и не сделаю ничего, что поставит меня по ту сторону Британского закона. В этом можешь быть уверена.

– Конечно. – Джемайма недоумевала, почему не верит ему.

Он не хочет преступать закон. Она это понимает. Но что это дает? Джули совершила все эти преступления под ее именем, и теперь нужно разбираться. Джемайма могла в два счета освободиться от всего этого, признавшись, что все это совершила ее сестра. Однако она тут же потеряет права на Никки. А как пережить эту потерю, да и кто знает, может ли она рисковать. В панике она притворяется Джули, но лишь до тех пор, пока в дело не вовлечена полиция. Тогда придется выложить правду.

Лучиано продолжал пристально изучать ее, задерживая взгляд на пухлых губах, фарфоровой коже в зоне декольте. Как мужчина, он считал нормальным то, что обращает внимание на ее тело. Внезапная пульсация и напряжение в области паха взбесили его. Он разозлился на самого себя и отвернулся.

– Медицинский работник приедет к вам сегодня после обеда.

– А ты зря времени не терял, – осторожно заметила Джемайма.

Лучиано повернулся к ней и прищурился. Взгляд резал, как бритва.

– Ты и так отняла кучу моего времени.

Джемайма молчала, стиснув зубы и повернувшись ко второму мужчине. Тот был явно в замешательстве. Она поняла, что хоть они и действовали по закону, Лучиано Витале миндальничать не собирается. Ясно, он расценивает ее как врага. Ей нужно собраться с силами, стать более жесткой, чтобы защититься от того, кто ненавидит ее и сильнее во всех отношениях. Она чувствовала, что если даст слабину, он тут же использует это против нее.

Лучиано и мистер Беннетт оставили ее. Потрясенная их внезапным визитом, Джемайма вернулась к обычным делам. Она так ждала, так надеялась, что проведет все лето с Никки, любимым племянником, хотя потом придется организовать для него присмотр, чтобы с нового учебного года вернуться на работу. Теперь же она ни в чем не была уверена.

Джемайма играла с Никки на полу, когда в дверь позвонил сотрудник из лаборатории для проведения анализа ДНК. Женщина вручила ей согласие на проведение теста и попросила подписать, затем убрала документ и приступила к процедуре. По просила подержать Никки, пока она сделает анализ. Через секунду мазок изо рта малыша был взят. Джемайма ждала, что и у нее возьмут образец, но женщина собрала вещи и была такова. Видимо, работа сделана.

После того как дверь за ней закрылась, девушка вздохнула с облегчением. Однако ненадолго. Вскоре снова раздался звонок в дверь.

Джемайма недовольно поджала губы, когда увидела своего бывшего парня. Да, они все еще общались со Стивеном. Он нравился ее родителям, и ей приходилось мириться с его частыми визитами. Стивен слыл уважаемым человеком в местной церкви, активистом, а также вел евангелические занятия для детей.

– Можно мне войти?

Разговор через дверь о поездке ее родителей исчерпал себя, и Джемайма надеялась, что он поймет намек и уйдет.

– Никки все еще не спит, – предупредила она.

– Как он поживает? – Стивен расплылся в самой широкой и фальшивой улыбке.

– Его отец, по-видимому, нашел нас.

Джемайма сама от себя такого не ожидала. Это еще раз доказывало, насколько она обескуражена и потеряна. Она прекратила доверять Стивену, как только он не одобрил ее решение взять на себя заботы о Никки. Стивен прошел в гостиную

и развалился на диване, как у себя дома. Ее бывший работал дантистом и имел обширную базу частных клиентов, он умел очаровывать людей, поэтому нравился многим, кроме Джемаймы. Она думала, что любила Стивена многие годы и даже рассчитывала выйти за него когда-нибудь замуж. Но это все было до того, как в их жизни появилась Джули.

– Да, он симпатичный, и мы могли бы с ним неплохо повеселиться, – говорила сестра, – но это твой парень, и я не собираюсь у тебя его отбивать.

Джемайма не хотела удерживать Стивена около себя насильно и, увидев, насколько сильно тот увлечен Джули, тут же отпустила его. Конечно, сестра и ее бывший совсем не подходили друг другу, но какое-то время провели вместе. Джемайма не держала на него зла, не обвиняла в измене. Да и зачем? Разве он виноват в том, что сестра ярче, красивее, привлекательнее ее. Джемайму раздражала в Стивене уверенность в том, что он как ни в чем не бывало решил продолжить с ней отношения, когда не стало Джули.

– Его отец? Расскажи-ка подробнее.

Она рассказала почти все про визитеров и их намерения. Лишь не затронула тему с кредитными картами и воровством, чтобы лишний раз не поднимать и без того болезненную для всех тему отношений.

– Это самая прекрасная новость, которую я слышал за последнюю неделю, – просиял Стивен. – Я, конечно, понимаю твою привязанность к Никки, но оставлять его себе – не самое лучшее решение, особенно в твоем положении.

– Иногда чувства нельзя объяснить логикой или выгодой.

Стивен восхищенно взглянул на нее:

– Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь, Джем. Сколько тебе нужно времени, чтобы простить меня? Да, я был дураком, ошибся, но выучил урок.

– Если бы ты действительно любил меня, не позарился бы на Джули.

– Пойми, мужчины устроены иначе, на нас влияют животные инстинкты.

Джемайма стиснула зубы и еле удержалась от того, чтобы закатить глаза. И как это она умудрилась не замечать, насколько Стивен необъективен в своих суждениях и какую сексистскую точку зрения занимает.

– Я уже пережила твою измену. Ты хороший парень, Стивен, но боюсь, с моей стороны на большее можешь не рассчитывать.

– Расскажи мне лучше про отца Никки.

– Да я ничего, кроме его имени, и не знаю.

Стивен зашел в Интернет со своего планшета и тут же выдал множество фактов о Лучиано Витале.

«Лучиано – единственный ребенок в семье, сын известного мафиози».

Джемайма не удержалась и закатила глаза.

«Сказочно богат». Это ее тоже не удивило. А вот то, что Стивен прочитал дальше, глубоко тронуло.

«В двадцать лет Лучиано женился на известной итальянской кинодиве. У него родилась дочь, а некоторое время спустя обе, и жена и дочь, погибли в авиакатастрофе». Джемайма была в шоке от такой трагической новости.

– Теперь понятно, почему он хотел ребенка, – протянул Стивен, – его дочь умерла. Как ты можешь сомневаться, что он будет плохим родителем.

– Он все еще не женат. Сколько раз он собирается менять жен? И они все будут мамами для Никки? – упрямо твердила Джемайма. – Кроме того, Никки мальчик. Он не замена кому-то, а имеет собственные права и потребности.

Стивен имел вполне определенный взгляд на суррогатное материнство и то, как это противоречит законам природы, и начал важно и напыщенно вещать об этом. Джемайма не слушала его, поглощенная фотографией шикарной блондинки Джиджи Носеллы, жены Лучиано и матери его первенца. Про себя она отметила, что Лучиано и Джиджи идеально подходили друг другу. Два

красивых человека, они составляли прекрасную пару.

«Он и так уже потерял одного ребенка», – подумала она и почувствовала угрызения совести за то, что не хотела отдавать ему Никки. Кто она такая, чтобы вмешиваться в его судьбу? Она думала, что знает все, однако была очень больно ранена, выяснив, что ее сестра совершила так много проступков в жизни.

– Витале должен знать, что Джули сделала с тобой и твоей семьей, – заявил Стивен. – В конце концов, если бы он лучше с ней обошелся, она бы не явилась снова сюда и не причинила столько бед.

– Это твое мнение, Стивен. – Джемайма встала с дивана, намекая, что ему пора уходить. Она и так слишком долго изображала гостеприимную хозяйку.

– Подумай над этим, Джем. Никки не твой ребенок. Если ты передашь его отцу…

– Как посылку?

– Он принадлежит отцу по закону, не думай, будто я не понимаю, что именно этот ребенок мешает нам снова быть вместе.

– Только в твоем воображении!

– Ты знаешь мое мнение по поводу того, что ты держишь у себя Никки. Почему ты стремишься сделать для этого ребенка больше, чем его собственная мать? Давай посмотри правде в глаза. Джули оказалась паршивой матерью, как и не самой лучшей…

– Прекрати!

Раскрасневшись, она с силой открыла входную дверь и указала на нее Стивену:

– Я передам маме и папе, что ты приходил.

Стивен оставил Джемайму в расстроенных чувствах, однако с пищей для размышлений. Она отправилась купать малыша, а у самой слезы наворачивались на глаза. Он не ее сын, и ничто в мире не может это изменить. Или оживить

Джули.

Лучиано много пережил, потеряв жену и дочь, которых он наверняка очень любил, раз решился, несмотря ни на что, еще на одного ребенка. Джемайма закутала Никки в большое мягкое полотенце, прижав его к себе.

Лучиано потратил восемь месяцев, чтобы отыскать свое дитя. Хотел забрать Никки. Нужно прекращать быть эгоисткой и отступиться. Неужели она предосудительно относится к Лучиано из-за того, что он выбрал суррогатное материнство для второго ребенка? Джемайма придерживалась традиционных взглядов на семью и подозревала, что именно поэтому не доверяет Лучиано. Ей стало стыдно. Как можно отвергать законного отца Никки? А вдруг окажется, что Лучиано Витале не его отец?

Однако через два дня пришел результат теста, в котором говорилось, что Никки – плоть и кровь Лучиано. Теперь у Джемаймы не было сомнений.

Не успела она отложить письмо, как раздался телефонный звонок.

– Лучиано Витале, – представился голос. – Я бы хотел встретиться с сыном сегодня.

Джемайма напомнила себе, что сейчас не место для личных переживаний и чувств, и глубоко вздохнула:

– Да, какое время вас устроит?

Они обсудили время и договорились о встрече чуть раньше, чем хотел Лучиано, так как Джемайма знала: чем позже он придет, тем более усталым и капризным будет Никки. Ей всей душой хотелось, чтобы первая встреча отца и сына прошла хорошо. Было бы неправильно желать иного, несмотря на ее отношение к Лучиано. Она прибралась в доме к приходу гостей. Однако у Никки резались зубки, и он часто плакал. Джемайма постаралась успокоить его и уложить в кроватку.

Ее подруга Элли очень оживилась, узнав, что Лучиано придет в гости, чтобы впервые увидеть Никки.

– Ты уверена, что мне не стоит приходить? Может, я просто постою рядом, так, для мебели. Очень хочется посмотреть на него вживую. В Интернете он выглядит горячее огненной бездны.

– Элли, это не самый подходящий случай. Он имеет право на личное пространство и встречу с сыном наедине.

– Ну, разве он не ходячий соблазн?

– Может, на фото он и мил, однако в жизни не столь дружелюбен.

– С чего ему быть с тобой дружелюбным? Он думает, что ты – это Джули, обокравшая его и вымогающая деньги. Кстати, когда ты собираешься рассказать ему правду?

– Нужен подходящий момент. Точно не сегодня. Нет. Неизвестно, в каком настроении он будет. Может, просто схватит Никки и уйдет.

– В курсе Лучиано или нет, но он твой должник. Джули не смогла бы заботиться о нем в любом случае. В то время как ты находилась при нем все время с тех пор, как ему исполнилось всего неделя. Твои родители тоже будут скучать по нему.

И Джемайма осталась один на один с осознанием неизбежного. Никки все равно заберут, и ничто не может изменить этого. Она не его ближайший родственник, в отличие от Лучиано.

Она в напряжении ждала посетителя. Никки выглядел очень мило в голубом костюмчике, однако настроение его быстро менялось из-за зубок. Он мог засмеяться, а через секунду заплакать.

Раздался шорох шин на подъезде к дому. Джемайма кинулась к окну посмотреть, кто это. Целая вереница машин, состоящая из лимузина в окружении нескольких «мерседесов» с тонированными стеклами, въехала во двор. Несколько мужчин вышли из машин и рассредоточились по территории, явно следуя указаниям, передаваемым по рации. В костюмах и солнцезащитных очках они будто излучали агрессию и напряжение. Дверь лимузина в центре

колонны открылась, и появился Лучиано, затмив всех. Он был одет в джинсы и свитер, однако даже в таком виде притягивал к себе внимание. Джинсы сидели идеально, подчеркивая тренированные ноги и узкие бедра, а черный свитер красиво оттенял иссиня-черные волосы и оливковую кожу.

У Джемаймы пересохло во рту. Она нервно облизала губы, вытерла вспотевшие от волнения ладони и стала отходить от окна, как вдруг ее внимание привлекло движение позади Лучиано. Она задержалась у окна, чтобы посмотреть. Из автомобиля вышла стройная блондинка. Лучиано повернулся к ней, что-то сказал, и та снова исчезла в салоне.

Кто это? Неужели его девушка?

Голос в голове Джемаймы смекнул, что это не ее дело. Она перевела дух, постаралась взять себя в руки и отправилась открывать дверь.

– Мистер Витале.

– Джемайма. – Лучиано сделал шаг вперед. Его лицо, казалось, ничего не выражало, он даже не улыбнулся.

– Никки здесь. – Она приоткрыла дверь в гостиную.

Малыш сидел на полу в окружении любимых игрушек.

– Его зовут Никколо! – поправил Лучиано. – Мне не нравятся сокращенные имена. Кроме того, я бы хотел остаться с сыном наедине.

Джемайма взглянула на него с удивлением, но он даже не обратил на нее внимания, сосредоточившись на Никки. Нет, Никколо. Тигриные глаза Лучиано светились от возбуждения, он в буквальном смысле поглощал взглядом ребенка.

Девушка смотрела на это, прикрыв глаза, и ничего не могла с собой поделать, видя, как смягчилось каменное, почти непроницаемое выражение лица Лучиано и как он почти улыбнулся.

– Благодарю. – Лучиано вошел, закрыв за собой дверь.

Джемайма, вздохнув, присела на пуфик у входной двери рядом с телефоном, уговаривая себя: конечно, он не хочет присутствия чужих людей на встрече с сыном. Она старалась не поддаваться эмоциям.

Кто эта женщина в авто? Его новая пассия? Он живет с ней? Вдруг новая спутница не может иметь детей, поэтому они решились на суррогатное материнство? Почему ей это так важно? Она беспокоится о Никки, его будущем, а оно все еще не совсем определенно.

Из гостиной послышался плач. Джемайма напряглась. Для Никки Лучиано был чужаком, а значит, расценивался как опасность, естественно, он заплакал. Из-за двери она могла слышать, как Лучиано что-то успокаивающе шепчет ему. Однако через несколько минут ребенок разразился душераздирающими воплями. Джемайма не двинулась с места, хотя сердце так и рвалось к малышу. Она сжала кулаки, слыша, как расстроен Никки, как надрывно плачет и зовет ее. Она также помнила, что нужно учиться жить без него, отойти в сторону и отдать малыша отцу, рано или поздно.

Когда плач Никки перерос в несмолкающие вопли, в дверях показался Лучиано.

– Тебе лучше зайти, мне кажется, он напуган. – В его голосе сквозило разочарование.

Джемайме не нужно было повторять дважды. Она тут же вскочила и побежала к Никки. Малыш увидел ее, тут же потянул к ней маленькие ручки. Она подхватила его на руки и успокаивающе прижала к себе. Он тут же вцепился в нее, будто боялся, что она снова уйдет.

Лучиано смотрел на эту сцену и не мог поверить. Привязанность к матери, вероятно, раздражала его. Никколо вцепился кулачками в футболку Джемаймы, прижался к ее груди маленьким трясущимся тельцем. Никки спрятал личико, отворачиваясь от незнакомца, который так настойчиво пытался с ним подружиться. Пока Джемайма успокаивала расстроенного ребенка, Лучиано отметил два неприятных для себя факта: малыш привязан к матери гораздо больше, чем он ожидал, а Джемайма для него явно центр безопасности. Все это осложняло положение. Он невольно взглянул на пышные формы девушки и тут же почувствовал, как область ниже талии начала напрягаться. Избегая неловкой ситуации, он тут же перевел взгляд на Никки. Ему больше нравились девушки с

явно женскими пропорциями, нежели худышки с мальчишеской фигурой. Он не отрицал, что у Джемаймы потрясающая фигура, хотя и претила мысль о том, что он желает именно ее, что совсем некстати.

– У него режутся зубки, поэтому он временами плаксивый, – объяснила девушка. – Кроме того, сейчас не совсем подходящее время для знакомства. Он устал и хочет спать.

– Нет, он напуган. Неужели он не привык к встречам с новыми людьми?

– Он больше привык к обществу женщин.

– Пока ты жила в Лондоне, за ним, наверное, присматривали твои родители?

Джемайма тут же вспомнила о той лжи, которой она собралась придерживаться. Невозможно находиться в двух местах одновременно. Пока она работала учительницей, стараясь покрыть расходы на содержание Никки, Джули действительно жила в Лондоне.

– Отец на пенсии, но все еще много времени проводит вне дома, поэтому Никки нечасто видит его.

Она скрестила пальцы на счастье, чтобы и эта ложь прошла гладко. Стыдно лгать, но выхода нет. На самом деле Никки обожает деда.

Тем временем малыш засунул в рот палец и принялся активно его кусать, все еще подрагивая, но уже не плача.

– Я прошу прощения за этот рев. Со временем он привыкнет к тебе.

Лучиано скривился. У него нет времени ждать.

– Это твоя девушка, там, в машине?

Ей просто необходимо это знать, да и тему разговора пора сменить.

Лучиано нахмурился и опустил глаза. Джемайма невольно залюбовалась его длинными темными ресницами, густо обрамляющими веки.

– Нет, это няня, которую я нанял.

– Няня?

– Да, мне понадобится помощь в уходе за малышом, – сухо прокомментировал Лучиано, размышляя, что делать с привязанностью ребенка к матери. Как выяснилось, это большая проблема.

Он точно не женится на Джемайме, как рекомендовал Чарльз Беннетт после проведения теста на установление отцовства.

– Это будет фиктивный брак, – пояснял Чарльз. – Вы сразу убьете двух зайцев: узаконите рождение сына, урегулируете дальнейшее наследование имущества, плюс у вас будут законные основания забрать ребенка. А бывшей жене сможете предоставить жилье. Закон нарушен не будет. Идеальный вариант.

Правда, для Лучиано это не идеальный вариант, а кошмар. Никогда он не свяжется с женщиной, которая ничего собой не представляет. Воровка, аферистка. Даже если брак будет фиктивным.

Джемайма в это же время подумала: «Он нанял няню!» Ее вновь охватила паника. Лучиано явно планировал скорее забрать Никки из-под опеки.

Отец взглянул на сына, который уже засыпал, положив голову на плечо Джемаймы. Конечно, можно выкрасть его у нее, как когда-то его самого украли у матери. Правда, ему тогда было три года, однако он помнил, как его вырвали из любящих материнских рук. Тогда в жизни его отца было много жестокости и крови, а его, ребенка, травмировал этот инцидент. Он никогда не сделает ничего подобного со своим сыном. Как бы он ни ненавидел Джемайму Барбер, он не желал ей смерти. С другой стороны, неприятно видеть, как она обнимает его сына, а он тянется к ней.

– Никки очень впечатлительный. Его легко огорчить.

– Я удивлен, что он так привязан к тебе, – признался Лучиано. – Ты же большую часть времени оставляла его под присмотром других людей.

– Я провела с ним больше времени, чем ты думаешь. – Джемайма гордо вскинула подбородок. – Неудивительно, что он так привязан ко мне.

– Но ты всегда хотела избавиться от него. Если выкуп будет достаточно большой. Разве ты не должна была лучше подготовить его к расставанию?

– Я не знала, что расставание действительно состоится, – взбунтовалась Джемайма.

– Ничто не может помешать мне забрать сына. С того самого дня как ты исчезла, я ни минуты не переставал думать о нем. Он мой.

– Да. Но отдать его насовсем не так просто, как я раньше считала.

Лучиано пожал плечами. Было видно, что его это мало волнует.

– Ты убедила психиатра, что прекрасно осведомлена о том, на какие условия идешь, и сможешь с этим справиться.

Разочарование охватило девушку.

– Все изменилось.

– Я хочу получить сына.

Совершенно сумасшедшая идея осенила девушку. Не успела она обдумать это, как мысль уже сорвалась с языка.

– Могу ли я быть няней для Никки, хотя бы ненадолго?

– Ты – няней? Для Никки? С ума сошла?

– Пока он не привыкнет к тебе и новым условиям. А ты получишь квалифицированного специалиста по уходу за маленькими детьми. У меня хорошо получается.

– Ты никогда с ними не работала.

– Напротив, у меня есть опыт.

– Интересно, это было до того, как ты предпочла зарабатывать легкие деньги в эскорте? – съязвил Лучиано.

Джемайма похолодела:

– Э-эскорте? Это ужасно.

– Я все про тебя знаю, даже не пытайся мне лгать. Ты работала в службе эскорта в Лондоне и была популярна среди немолодых, но богатых мужчин, до того как начала воровать их кошельки. Я говорил с агентством, которое занималось бронированием номеров для тебя, прежде чем решить, что обойдусь без твоих услуг.

На мгновение Джемайма даже раскрыла рот, не видя возможности поверить его словам. Лицо ее побелело как полотно, в ушах зазвенело, сердце лихорадочно заколотилось. Она не хотела верить ему, но была вынуждена. Джули любила деньги больше всего на свете, и эта ее привязанность была даже сильнее самоуважения. Но эскорт! Эскорт с предоставлением дополнительных услуг! Ей стало очень стыдно. Такая работа дала сестре возможность воровать, и, к сожалению, украденные кредитки – лишь вершина айсберга. По-видимому, Джули так же легко продавала себя, как намеревалась продать собственного сына.

– Напомню, это была эксклюзивная служба эскорта, – добавил Лучиано, видя смятение Джемаймы.

– Значит, ты считаешь, что такая, как я, не может быть няней для твоего сына? – Джемайма это понимала и чувствовала, с каким негативом Лучиано относится к ней, но желала знать наверняка.

– Боюсь, нет. Завтра я пришлю охрану забрать сына. С ними будет няня, она поможет доставить малыша в Лондон. Я хочу провести с ним больше времени.

– А что потом?

– Потом заберу его с собой на Сицилию. Сама знаешь, как все это должно закончиться, зачем усложнять.

Джемайма почувствовала себя воздушным шариком, который сначала надули, а потом лопнули, и не осталось ничего, кроме бесформенной тряпочки. Джули взяла оплату и подписала договор. Из этой ситуации нет выхода, кроме как пойти к журналистам и придать огласке свою печальную историю. К чему это приведет? А главное, что это даст Никки? Заинтересованные в истории рождения Никки социальные службы могут взять его под свою опеку, и еще неизвестно, получит ли Лучиано право на воспитание ребенка. Вероятно, Никки поместят в приют, и тогда ни она, ни Лучиано никогда его не увидят. Поразмыслив, Джемайма решила, что искать помощи на стороне смысла нет. Один тот факт, что она выдала себя за мать малыша, может быть использован против нее и властями, и Лучиано, если он вообще когда-либо узнает правду.

Глава 3

– Вы могли бы подвезти меня до Лондона? – весело спросила няню Джемайма. – Уверяю вас, это все, что я прошу, плюс, если буду в машине, Никки спокойнее доедет, по дороге могу рассказать вам о нем подробнее и помочь справиться с обычными делами по уходу за ребенком.

– Ну, я… – замялась няня Лиза и немного потопталась на пороге, поглядывая на высокого широкоплечего охранника за ее спиной.

Тот стал куда-то звонить. Джемайма поняла, что без согласования с Лучиано ничего не получится, и мысленно отругала себя за то, что прошлой ночью придумала все это, очевидно, посчитав себя самой умной. Она не собиралась портить своим присутствием первый день Лучиано и Никки вместе, просто хотела быть ближе, если вдруг что-то пойдет не так.

– Я просто думала пройтись по магазинам, – пояснила она нервно, пока телохранитель объяснял что-то Лучиано на итальянском.

– Мистер Витале предусмотрел все наши действия, – пояснила няня и улыбнулась, извиняясь. – Простите, но я не хочу испортить мой первый день на этой работе, хотя, конечно, было бы неплохо узнать больше о вашем малыше.

– Мисс Маурис? – Охранник передал трубку няне.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Б у л и м и я – психическое расстройство, при котором за неконтролируемым обжорством следует искусственно вызванная рвота или любые другие очистительные процедуры. Иногда эту болезнь так и называют – синдром обжорства с последующим очищением желудка.

Купить: https://tellnovel.com/linn-grehem/snachala-zabud-ee

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити